

УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

Шаклеин В.М.

Актуальность. Перемены в политической и экономической жизни, происходящие в России и других странах СНГ в начале XXI в., нашли свое отражение в процессе современной публичной межкультурной коммуникации. Интенсивные процессы в национальных обществах и языках обостряют языковую рефлексию носителей лингвокультур. Эта рефлексивная деятельность в рамках межкультурной коммуникации часто проявляется в рамках метаязыковой функции национальных языков.

Постановка проблемы. Политическая ситуация в ряде стран СНГ (в частности, это касается Украины) диктует необходимость стремления к политкорректности и одновременно к высказыванию радикальных идей. Именно поэтому современная публичная межкультурная коммуникация изобилует относительно законченными высказываниями, содержащими выраженную оценку употребляемому слову или выражению. Как правило, такие высказывания формально включают какую-либо лексическую единицу (слово) или глаголы говорения и именованя. Эти высказывания чаще всего отнесены к определенному политическому контексту и описывают некоторое положение вещей во внутренней и внешней политике. Например:

«Помните, большевики раньше *говорили «квасной патриот»?* Я теперь, с гордостью могу *сказать*, да, я – *квасной патриот*, потому что квас лучше и здоровее множества других напитков. Я могу *сказать*, что я – *пельменный патриот*, потому что пельмени лучше гамбургеров. *Эти слова мы употребляли в уничижительном смысле*, а сейчас надо менять язык» (Телепередача

«Постскриптум», 17 февраля 2005 г.). «Украинцы производят лучшие продукты питания в мире. При этом я не хочу обидеть Россиян» (Из интервью премьер-министра Украины Ю.Тимошенко, газета «По-киевски», 25 февраля 2005г.).

Явный политико-патриотический подтекст подобных высказываний в определенном смысле совпадает с ведущим принципом современной лингвокультурологии: антропологическим началом, пристальным вниманием к этнически обусловленной языковой личности. Вспомним при этом высказывание Ю.Н. Караулова: «Языковая личность трактуется не как часть многогранного понимания личности, а как вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [2 с.7]. Главным признаком языковой личности является наличие языкового сознания и языкового самосознания. Языковое сознание в лингвистике последних десятилетий обычно отождествляют с языковой картиной мира, со стратегией и тактикой речевого поведения. Осознание же своего языкового поведения и есть языковое самосознание. Кроме научного языкового самосознания, существует и

языковое самосознание рядовых носителей языка, получившее в зарубежной лингвистике название «folk linguistics». При вербализации языкового самосознания мы и говорим о метаязыковой функции языка.

Современная экстралингвистическая реальность в странах СНГ определяет основной набор лексико-фразеологических доминант, быстрая смещаемость которых создает впечатление о их резкой изменчивости и недолговечности. Языковое самосознание реагирует на быструю смещаемость определенным образом. Поэтому ныне создается впечатление о повышенной частотности указанных выше специфических высказываний, относящихся к публичной межкультурной коммуникации. Более того, выступая как часть культурного самосознания определенной эпохи, такие высказывания становятся компонентом национального самосознания конкретного временного культурного среза (лингвокультурной ситуации).

Анализ коммуникативного дискурса конкретной ЛКС позволяет выявить целый ряд характеристик этнически обусловленной языковой личности: во-первых, ее психологические черты. Так, М.В. Ляпон в своих работах [3], опираясь на творческое наследие М. Цветаевой, выявила модель рефлексивной личности писателя-интроверта; во-вторых, философско-мировоззренческие установки этнически обусловленной личности; в-третьих, ее социальные характеристики. И поскольку мировоззрение языковой личности, по Ю.Н. Караулову, есть результат взаимодействия, соединения систем ценностей личности (единиц когнитивного плана) с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками (единицами прагматического плана), то лингвистический анализ межкультурной коммуникации, с точки зрения когнитивного и прагматического подходов, позволяет реконструировать, содержание мировоззрения этнически обусловленной личности.

Известно, что языковое самосознание заключается в способности интерпретировать и квалифицировать элементы языкового сознания. Интерпретация состоит в изложении понимания текстов и языковых единиц. Публичная межкультурная коммуникативная деятельность в этом случае представляется как осознанный мыслительный процесс по интерпретации употребляемых единиц текста. В настоящее время частным случаем интерпретации являются образцы народной этимологии. Приведем пример: «Господин Генеральный директор! Не обращаюсь к Вам с привычным для нашего города словом «товарищ», так как история происхождения этого обращения уходит в давние времена, когда с этим словом обращались друг к другу воры: доставив награбленный товар к своим товаркам, они требовали за это ши, вот и получилось – товарищ, то есть товарищи. Поэтому Генерального директора не хотелось бы называть «товарищем»» (Из выступления адвоката на судебном процессе в Магнитогорском городском суде. «Советская Россия», 12 января 2004 г.).

Можно предположить, что квалификационная, оценочная коммуникативная деятельность языкового самосознания проводится в двух направлениях. Во-первых, как оценка фактов речи (оценочные функциональные характеристики, даваемые говорящими в процессе речи, относящиеся к фактам речи): точности словоупотребления (правильное/неправильное), сферы употребления слов, стилистической критики «уместности/неуместности» и т.д. Во-вторых, за оценкой фактов речи часто скрываются суждения о современном мире и особенно о странах-соседах. Подобное эксплицирование коннотативной семантики соответствует духу общеславянской и постсоветской ментальности, поскольку для «нашего человека», говоря образно, слово

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

часто воспринимается как реальность, а реальность как слово. В этом смысле межкультурная коммуникация выступает в качестве способа познания мира и, что более важно, стран-соседей. Для того чтобы глубже познать объект, человек делает его до некоторой степени субъективным. Субъективность предполагает превалирование коннотативного компонента над денотативным в семантике слова. Поэтому во всей актуальной лексике всегда усиливается оценочный компонент, часто эксплицируясь в контексте употребления.

Действительность стран СНГ вызывает потребность в осмыслении бытия, способствует частотности проявления фактов межкультурной коммуникации, которые, на наш взгляд, позволяют судить о психологическом состоянии и социокультурных умонастроениях национальных обществ на данный момент, о мировоззренческой неоднородности членов таких обществ.

При учете такой возможности нами был проведен, с одной стороны, сопоставительный анализ публичной межкультурной коммуникации двух хронологических срезов: периода перестройки (1985-1990 гг.) и современного периода (начало XXI в.). Анализ проводился на базе иллюстративного материала «Словаря перестройки» [5] и текущих газетных публикаций и телевизионных передач. С другой стороны, социальная неоднородность современных обществ стран СНГ проявилась в существовании двух противоположных по мировоззренческим установкам форм письменной публичной речи: демократической и оппозиционной печати. Поэтому, наряду с демократическими газетами («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Известия», «Вільна Україна», ряд местных газет), выборочно нами были просмотрены газеты оппозиционного лагеря, такие как: «Русский порядок», «Русь державная», «Русский вестник», «Русский востокъ», «Перерва», «Життя», «Крымская правда» и др.

Анализ материала показал сходство и различие сопоставляемых высказываний. Сходство современной публичной межкультурной коммуникации в странах СНГ проявляется в одинаковой фиксации происходящих лексических процессов в современных национальных языках. Отметим некоторые из них.

1) Появление новых слов из разных тематических групп, обслуживающих новые жизненные ситуации. Высказывания, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, отмечают новизну и частотность употребления слова. Например:

«Термин новый родился: *отказник*. Слово найдено точно» (Словарь перестройки, 1992); («*Правовое государство*» – *заезженное словосочетание, набившее оскомину*)» («Час пик», 11 декабря 2004г.); «Мы по-прежнему «строим» – не зря, видимо, *родился термин «прорабы перестройки*: построили «социализм» – не понравился, перестраиваем его в «капитализм»» («Крымская правда», 2004, № 11).

2) Перераспределение целых лексических пластов активного пассивного словаря вызывает оценочную реакцию носителя языка:

«Очень многих *пугает слово «батрак*. Вытащили его из крепко пронафталиненного архива и делают из него пугало» (Словарь перестройки, 1992); «*Я категорически против слова «милиция*». Милиция себя дискредитировала в глазах обывателя. Может быть, *новое слово «полиция*» поможет поднять органам свой престиж» («Перерва», 13 ноября 2003г., перев. с укр.); «*Такие слова, как «интернационализм», «классовая борьба», «пролетариат», «братская*

социалистическая солидарность» и тому подобные атрибуты всей обрыдшей коммунистической идеологии, должны быть, как старый хлам, выброшены на свалку истории» («Русский вестник», 2004, № 2).

3) Активное употребление заимствованной лексики вызывает различное отношение к этому процессу. Ср.:

«Новые, незнакомые, а потому заманчивые слова конвертируемость, конвергентность, плюрализм, конверсия, инвестиция, ротация» (Словарь перестройки, 1992); «Разбаш: Кто занимается промоушен, извините за это слово» («Час пик», 25 февраля 2004г.); «Космополиты, невежды и чужеземцы по дурости и по злему умыслу засоряют великий русский язык такими ничтожными и бессмысленными словечками, как хобби, консенсус, импичмент» («Истоки», 2002, № 6).

4) Обновление нормативно-ценностной системы представлений о мире способствовало ресемантизации целого ряда идеологически ориентированных слов. Слова, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, в этом случае наиболее экспрессивны:

«У нас на слова «рыночные отношения», «рыночная экономика» реагировали подчас как бык на красную тряпку» [5]; Но сегодня «капитал», «частная собственность и другие подрасстрельные ругательства революционных лет прижились в нашей повседневной жизни в качестве обычных терминов» (АиФ, апрель, 2003).

Проследим, в первую очередь, различие публичной межкультурной коммуникации двух временных срезов новейшей истории стран СНГ. Временное сопоставление материала позволяет увидеть различия в характере оценочной семантики. В связи с происходящими изменениями в политической и экономической жизни общества происходит обновление концептуального мира носителя языка. Языковая картина мира связана с ценностной ориентированностью человека в окружающем мире. Полагают, что главной оппозицией праславянской культуры выступает оппозиция «свой – чужой», с которой также связана смена оценок, поскольку в основе противопоставления лежит ядерный смысл, представленный оценочной дихотомией «плохой – хороший». Задуматься о природе обозначаемого предмета, сути явления, факта или характера процесса – увидеть «свое» в «чужом» – в этом проявляется личностное начало говорящего в области языкового самосознания. Открытость языкового общества в эпоху перестройки влиянию других культур, ассоциирование ценностной трансформации с обновлением общества определило положительные оценочные характеристики публичной межкультурной коммуникации эпохи Перестройки. Язык 80-х может быть охарактеризован как «язык эйфории» [1, с.21], поскольку гласность этих лет помогла перейти на нормальный политический и экономический язык, принятый во всем мире, открыть запретные темы, убрать советские эвфемизмы, назвать явления своими именами. Поэтому даже отрицательные и тревожные факты общественной жизни получали в публичной межкультурной коммуникации положительную оценку, иногда с оттенком гордости: «Не «перерыв» в работе, как стыдливо именовали мы прежде подобные происшествия, а именно забастовка – новое слово в нашем политическом словаре» [5].

В начале XXI в. ожидания практически во всех странах СНГ ознаменовали улучшение экономического состояния национальных обществ. Потеря исторической перспективы, ценностный вакуум порождают здесь ироническое отношение к жизни, отраженное в языковой практике. Часто современная публичная межкультурная

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

коммуникация существует как бы в двух временных срезах, реализующих антонимический оценочный смысл: «Он считает, что в России нет папарацци, и не хочет, чтобы его называли этим заморским именем» («Час пик», 9 декабря 2002 г.).

В странах СНГ в общественной жизни начала XXI в. отмечается социальная усталость, фатализм, в современной публичной межкультурной коммуникации возрастает роль высказываний с отрицательной оценкой, ключевыми модальными операторами становятся слова «опасность», «страх», «бояться». В качестве конкретного примера высказывания с отрицательной оценкой возьмем коннотативные высказывания по поводу терминологической единицы «деноминация», вошедшей в активный речевой обиход в конце XX в. Целый ряд неудачных попыток модернизации страны (павловский обмен денег 1990-го г., либерализация цен командой Гайдара 1991-го г., приватизация 1994-1995 гг., построение «пирамиды» ГКО Черномырдина 1997-1998 гг., наконец, выстраивание «вертикали власти») способствует тому, что инициирование новых экономических акций, связанных с денежными преобразованиям, встречается однозначно отрицательно. Например, спектр отрицательных высказываний по поводу предстоящих реформ содержит: *реформу бояться; страшного слова бояться не надо; зловещий оттенок начинает приобретать словечко «деноминация»* и т. д.

Высказывания, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, отражают эволюцию ценностной системы этнически обусловленной языковой личности в лингвокультурах стран СНГ. Во-первых, происходит обращение к ценностным установкам национального прошлого, традиционным ориентирам, иногда даже постальгическое обращение к ценностям советского периода российской истории: «Советский патриотизм. Здесь «советский» не носит оттенка уничижительности» («Час пик», 12 февраля 2002 г.); «Мы будем говорить о том, что раньше гордо называлось «дружба народов», а сейчас, извините за выражение, «межнациональные отношения» («Тема», 17 февраля 2003г.).

Во-вторых, формируется новая иерархия ценностей. Так, происходит ориентация общественного сознания на класс новых, богатых людей. Наряду с отрицательной коннотацией в словосочетаниях «новые русские», «новые казахи», «новые украинцы» и т.п. проявляется вариативность оценочных смыслов при дифференциации класса не по признаку богатства, а по профессиональным качествам. Появляется положительная оценка лексической единицы путем конкретизации понятий типа «новые русские»: новейшие «новые русские», старый «новый русский», совсем «новый русский», новые молодые «зубры», новые «новые русские», самые «новые русские», настоящие «новые русские».

Абсолютная, хроническая неудовлетворенность настоящим, типично русское самобичевание своего дает широкий спектр отрицательных реалий современной жизни: так, уже русский капитализм получает определения *дикий, нелепый, жуткий, циничный, безумный* и т. д.

Обратимся к характеристике высказываний, относящихся к современной публичной межкультурной коммуникации, в оппозиционной прессе. Оценивая одни и те же языковые факты, носители разных мировоззренческих установок по-разному работают в рамках базовой системы координат «свой – чужой». Представители оппозиции изначально не устремлены к познанию нового объекта, не заинтересованы в понимании его сущности, отвергают новое как чужое, присваивая явлению сразу оценочный смысл негативного. Мы не наблюдаем динамики познания объекта, негативная оценочность

идет по линии расширения охвата сферы речевой деятельности современных обществ стран СНГ. Поскольку объект чужой, то оценка его как чужого лежит в области усиления, углубления его отрицательной характеристики. Даже в области культурно-речевой негативная оценка крайне агрессивна. Покажем проявления агрессивной оценки на примере типичных высказываний, сделанных по поводу современного употребления местоимения «эта» в словосочетании «эта страна»:

«Мы решили публиковать авторов самых разных политических убеждений, лишь бы они относились к России не как к «этой», а как к «своей родной» стране» («Русский восток», 2001 г., № 19); «Мне кажется, что с того момента, когда человек начинает называть свою Родину «эта страна» вместо «моя страна», он становится к ней во враждебно-безразличную позицию. Если вы скажете про себя о ней отчужденно, например, «в этой стране всегда было так» – и вас не покоробит, вам не станет не по себе, то вы уже американизированы, т. е. вы стали на «этой территории» вечным жидом и, следовательно, перестали быть русским» («Русский порядок», 2002 г., № 1).

В данных высказываниях наблюдается подмена социальных конвенций в разграничении «личного» и «неличного». Категория «личного» предполагает идентификацию говорящего с субъектом своего восприятия и своих эмоций. Одним из важнейших аспектов «я» является понятие «мое». Из приведенных контекстов следует, что речевые действия другого субъекта по отношению к стране как к категории не личного, а общественного порядка воспринимаются авторами высказываний абсурдными и чуждыми в силу их собственной экспансии личного на категорию общественного социального контекста. В рамках данных высказываний идет столкновение различного понимания границ социального континуума.

Если обратиться к наиболее частотным высказываниям оппозиционной публицистики, то можно выделить ключевую лексическую единицу, имеющую самый большой набор рефлексивных высказываний. Центральной единицей рефлексивного дискурса оппозиционной печати является слово русский (украинский, казахский, украинский и т.п.), в котором, на наш взгляд, как в базовом компоненте национального самосознания, происходит отстаивание, утверждение категории «своего» и непринятие «чужого». Оценочные контексты носят обычно тревожный характер, подчеркивают опасность сегодняшней жизни для этнически обусловленной языковой личности:

«Опасное слово по нынешним временам – «русский». В стане демократов слова «русский патриот» запрещенные, ненавистные, чуть ли не нецензурные» («Советская Россия», 15 мая 2003 г.); «Кто это мы? Скорее всего, мы – это труднопроизносимое слово «казахстанцы». Неужели казахи обречены надевать маску вечных интернационалистов, прятать свое национальное лицо за безликое «мы» («Павлодарская правда», 21 июня 2002г.).

Противопоставление национального всему остальному, с точки зрения оппозиции, чужому, неистинному происходит в рамках словесной оппозиции «национальный – ненациональный»: *замки и дворцы «новых нерусских», болтающая на всех языках «русская» интеллигенция* (кавычки в данном контексте носят оценочный характер), *молчит «неукраинское» правительство, вся немолдавская рать претендентов на молдавское президентство* и т.д.

Часто словесная оппозиция «национальный – ненациональный», эксплицирующая дихотомию «свой – чужой», а следовательно, «хороший – плохой», перерастает в

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

развернутую характеристику врага, типичную, пожалуй, только для оппозиционной печати:

«Это, говоря богословским языком, сатанинская атака на Украину, когда соединили свои змеиные трубчатые жала Павловский и Янукович, направили парапсихологический удар в каждое украинское сердце. У Украины обнаружился враг, обретя очевидное воплощение...» («Геррера», 16 декабря 2004 г., пер. с укр.).

Выводы. Таким образом, высказывания, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, скрывая за оценкой лексической единицы суждение о мире, позволяют, с одной стороны, выявить динамический процесс ценностной ориентации человека в современном мире, представить психологическое состояние обществ стран СНГ в разные временные периоды, а с другой стороны, свидетельствуют о социальной неоднородности современных постсоветских обществ, о различных социальных унастроениях, когда этнически обусловленная языковая личность не включается в процесс расшифровки чужих кодов, не преобразует их в свои, естественные, подвергая лексико-фразеологические доминанты нового времени жесточайшей критике.

Список литературы

1. Белянин В. Русская языковая личность в постсоветский период // Теория и практика русистики в мировом контексте: Международная конференция, посвященная 30-летию МЛПРЯЛ. Тезисы. – М., 1997.
2. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989.
3. Ляпон М.В. Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения. 22-24 февраля. – М., 1998.
4. Мокиенко В.М. Доминанты языковой смуты постсоветского периода // Русистика. Берлин. – 1998. – № 1-2.
5. Словарь перестройки. – СПб, 1992.

Поступила в редакцию 09.03.2006 г.